

по вашей просьбе

Хотелось бы узнать, над чем сейчас работает драматург А. Арбузов?

Л. НАСТЕПАНИНА,
инженер.
СВЕРДЛОВСК.

Конечно, можно было поступить проще: попросить Алексея Николаевича Арбузова выкроить время из плотного московского расписания дня и, задав торопливые репортерские вопросы, получить на них столь же торопливые ответы. Но оказался более интересным другой путь: отправиться туда, где возникли в воображении драматурга обшедшие теперь многие сцены мира персонажи «Старомодной комедии», — к песчаным дюнам Юрмалы, постоянно вдохновляющим Алексея Арбузова. Здесь, в Доме творчества писателей имени Яна Райниса, драматург работает по многу месяцев в году. («Люблю эти места: они мои. Всегда, в любую погоду»). И вот, договорившись о встрече, сажусь в поезд под названием «Юрмала».

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Он для осенней Прибалтики выдался необычно ярким. Мы сидим в холле Дубултского многоэтажного дома творчества писателей.

— Представьте, у меня здесь очень строгий режим, — говорит Арбузов. — Я все время стараюсь быть в движении. Если вы не возражаете, давайте разговаривать «на ходу».

Мы идем по нескончаемой «улице», протянувшейся вдоль побережья. Проходим мимо небольшого уютного здания. Какой-то санаторий.

— Вот здесь и поселил я, в своем воображении, конечно, героев «Старомодной комедии» — Лидию Васильевну Жербер и главного врача санатория Родиона Николаевича. Что хотелось сказать в этой пьесе? Просто ободрить людей моего поколения, показать им, что никогда не поздно все начать сначала: стоит только присмотреться друг к другу, оглянуться, понять. И не допустить, чтобы одиночество овладело твоей душой. И еще хотел сказать: молодость души, свойственная жизнелюбивым, талантливым натурам, не уходит с возрастом.

— Скажите, пожалуйста: а кто из советских актрис, которые могли бы сыграть Лидию Васильевну, вам наиболее близок как драматургу?

— Мария Ивановна Бабанова. Именно ей и адресовал «Старомодную комедию» (на титульном листе пьесы угловатым почерком Арбузова написано посвящение: «Марии Ивановне Бабановой. Автор»). Встречу с ней в пьесе «Таня» считал и считаю до сих пор величайшим чудом.

— Где впервые состоялась премьера «Старомодной комедии»?

— Сразу в нескольких театрах: в Ленинграде, Лодзи. А затем в Лондоне, Париже, Мадриде, в Болгарии, Румынии, Швеции... В Финляндии появилось целых пять «Старомодных комедий». В Англии, в Шекспировском театре, хотя и не знаю английского языка, поразила величайшая актерская дисциплина слова. Исполнительница главной роли Пегги Эшкрофт сыграла всех трех сестер у Чехова, играла и в других русских пьесах. «Старомодную комедию» она выбрала для спектакля в свой юбилейный вечер. В Париже, в театре Комеди, мне показалось, исполнители играли лучше, чем я написал. Героя изображал актер драматического склада — Гн Трежан. Достойной его партнершей была Эдвиж Фейер.

— Не коробят ли вас как автора излишне вольные интерпретации?

— У меня такое ощущение, будто это уже не моя пьеса. Потерялось авторское чувство. Когда я встретился со столь разнообразным ее воплощением, то вдруг увидел, что она очень разная. Кажется, что ты всякий раз смотришь совершенно другой спектакль. Ни с одной пьесой у меня еще так не было.

— А с «Бедным Маратом»? Вы называли ее в числе ваших любимых пьес.

— Это так и есть. «Бедного Марата» писал около четырех лет. И при этом как бы решал для себя лично, какой бы я выбрал путь, будучи на месте моих героев. Не понимаю драматургов, которые пишут о чем попало: сегодня об уборке урожая, завтра — о любви... Я всю жизнь пишу только об одном — о Времени, о связанных с ним человеческих судьбах главным образом моего поколения. С чего все начинается? Наверное, с того, что тебя вдруг начинает тревожить что-то неотвратимое, связанное с чьей-то бедой. Откуда она возникает? Кто в ней виноват? Нельзя сначала решить это, а потом уже писать. Пьеса сама должна вести тебя вперед.

— Как вы организуете вашу работу чисто технически?

— Дело в том, что я по природе своей очень аккуратный человек. И если на столе моем даже маленький беспорядок — я не могу работать. То же самое и в творчестве. Вы знаете (улыбается своим воспоминаниям), когда-то, прежде чем писать, всегда, я вычерчивал на большом листе бумаги взаимную карту диаграмму взаимоотношений моих героев. Конечно, я себя обкрадывал: лишал пре-

красной неожиданности, волнений, ведь поступки людей всегда неожиданны, словно удары молнии. По секрету скажу, что таким «диаграммным» методом написаны все мои ранние пьесы: «Дальняя дорога», «Шестеро любимых». И лишь «Таня» не подчинилась, выбилась из «чертежей», они стали ей мешать.

— Говорят, что сейчас начинающим драматургам очень трудно пробиться...

— Не труднее, чем в мое время. Теперь-то мне смешно вспоминать, как пробивал «Шестеро любимых». Воспользовался отсутствием одного из моих «запретителей». А затем он вернулся и устроил скандал, после чего режиссеры страшлись меня, как огня. Указывали пальцем и

ние: 12-летний, я стою у парапета Невы и смотрю, как люди разгружают баржу с лесом (нечто вроде субботника). Среди работающих я увидел высокого, худого человека, который вдруг неловко поскользнулся и ухватился за доску. Меня это рассмешило, что явно не свидетельствовало о моем хорошем воспитании.

— Что смеешься, мальчик? — спросил человек, подняв голову. — Так ли уж это забавно?

Мне стало стыдно. А спустя какое-то время я пришел в театр на «Короля Лира». И наково же было удивление, когда я в человеке, вышедшем на сцену перед спектаклем с кратким рассказом о содержании пьесы, узнал

Алексей АРБУЗОВ:

СТАРОМОДНОЕ
ИНТЕРВЬЮ

говорили: «Вон, это он, тот самый...». А иногда, сознаюсь, отдавая пьесу в театр, я нарочно склеивал странички рукописи. И, представьте себе, она в таком же виде ко мне и возвращалась: ее, конечно, никто не читал, хотя говорили какие-то вялые слова. Сейчас же о молодых драматургах заботы проявляется немало. Я сам с ними работаю постоянно и знаю, что ничто талантливое пропасть не может. Хотя, действительно, «пробиться» на сцену просто.

ДЕНЬ ПОСЛЕДУЮЩИЙ

Встреча назначена на вторую половину дня: с утра Арбузов работает. Прихожу несколько раньше и вижу, как он спускается по лестнице, опоясывающей с внешней стороны стеклянный куб Дома. Его яркий спортивный костюм похож на скафандр космонавта. Мы усаживаемся на тихой скамейке в заброшенной части парка. Сегодняшний разговор касается «Жестоких игр» — пьесы о молодости, острей и современной.

— Скажите, как вы относитесь к спектаклю Марка Захарова на сцене Московского театра имени Ленинского комсомола? — спрашиваю Арбузова.

— И в спектакле, как вы символизировали, очевидно, человеческую судьбу?

— Спектакль поставлен с большой режиссерской выдумкой, но, откровенно говоря, я предпочел бы обычную комнату для встреч и разговоров моих героев. Как родилась эта пьеса? Из желания понять нынешних двадцатилетних. Ибо, несмотря на то, что постоянно вожу с молодыми драматургами — да и в семье целая куча юных индивидуумов, — у меня не было ощущения, что понимаю молодых. К тому же меня сердил некоторые молодые драматурги своими пьесами: один что-то обличает, другой же, напротив, то же самое явление неистово хвалит. Вот я и подумал: неужели не смогу написать о молодом человеке? Хотелось сказать, что духовная отстраненность взрослых от проблем их сыновей и дочерей чревата тяжелыми последствиями.

— А что сегодня у вас на письменном столе?

— Точнее будет сказать — в столе. Сейчас мною «доведены до текста» сразу три пьесы. Можно начинать писать. Правда, они мне кажутся одна хуже другой. Почему такое ощущение? Вероятно, потому, что возился с ними целых два года, пока они архитектурно не сложились.

— И эти «одна хуже другой» в конечном итоге обернутся для нас, не сомневаюсь, поэзией, — говорю я.

Однако Арбузов явно не по душе мои восторженные формулировки:

— О, вы решительно преувеличиваете качество моей профессиональной работы, — заявляет он. — Но если уж вы непременно хотите знать, кто или что мне помогает в писании пьес, то отвечу: прежде всего музыка. Именно под музыку пришли ко мне многие эпизоды, в особенности печальные — расставания героев, например. Постоянно хожу в концерты.

Пьесы Арбузова исключительно музыкальны. И не случайно многие из них легли в основу опер и балетов.

— А книги, живопись? Известно, что у вас хорошая библиотека.

— Книги мои в Москве, и я по ним очень скучаю. Здешняя библиотека, к сожалению, малоинтересна. Правда, удается получать художественные журналы, и я с большим наслаждением рассматриваю репродукции картин великих мастеров. Это для меня одно из лучших занятий и наук — всю жизнь учусь у них мастерству композиции.

— Приближается 100-летие со дня рождения замечательного русского поэта Александра Блока. Хотелось бы знать, как вы относитесь к его драматургии и пьесам в стихах вообще?

— С Блоком у меня связано одно детское воспомина-

ние. Он имел самое непосредственное отношение к театру. И иногда выступал перед началом спектаклей — «Разбойниками», «Макбетом», «Королем Лиром» — с яркими вступлениями.

Сейчас это один из самых любимых моих поэтов и драматургов. Я бы, например, с удовольствием поставил сегодня его «Незнакомку». Уверен, что она прозвучала бы очень современно.

— Кого еще из поэтов, успешно работавших в жанре поэтической драмы, вы могли бы назвать?

— Илью Сельвинского. Его вещи написаны превосходным стихом — «Командарм-2», «Умка — белый медведь», «Болотинков». Ко мне в руки также попала его малоизвестная историческая драма «Рыцарь Иоанн» — о Гришке Отрепьеве. Читая его драмы, понимаешь, что истинный талант может убедить тебя в чем угодно.

...Возвращаясь, прохожу мимо ограды братского кладбища, где похоронены погибшие воины. Слышу, как девушка-гид объясняет вездесущим экскурсантам:

— А вот здесь могила героини Великой Отечественной

Николаевича из пьесы «Старомодная комедия». Здесь всегда живые розы. Их приносят они теперь вдвоем — он и Лидия Васильевна Жербер...

ДЕНЬ БУДУЩИЙ

Не станем в него заглядывать, но все-таки ряд событий назовем: Анатолий Эфрос начнет репетировать новую пьесу Алексея Арбузова в Театре на Малой Бронной. Автор читал пьесу труппе буквально накануне своего отъезда сюда, на Рижское взморье. О чем она? Как утверждает автор, это грустная, задумчивая пьеса. О людях — одном юном, другом не очень. Их взаимоотношениях. То печальных, то радостных. В общем, типично арбузовская пьеса. Только вот название никак не приходит. Сначала он думал назвать ее «Нечаянный свидетель». Но оно не точно передает содержание — скорее напоминает детектив. Может быть, «То, чего не было?» Или «Воспоминание?»...

— Мне предстоит активный период работы с театром, — продолжает Арбузов. — Вообще я считаю, что драматург — одно из самых активных действующих лиц в процессе рождения спектакля. Помню, как в вахтанговском театре и у Охлопкова я даже сам приносил распределение ролей именно так, как я их видел. Чувствовалась большая заинтересованность в авторе. Так и должно быть.

— А к вам никогда не приходили какие-то неожиданные режиссерские решения собственных пьес?

— Приходило. Например, с «Моем загляденьем». Помню, что когда я писал ее, то громко хохотал, а остальные отчего-то не смеются. Я думаю, оттого, что пьесе в чем-то неправильно поняли. Ведь несмотря на легкую грусть, это пьеса-балаган. И ее, очевидно, следует играть очень юным. И действительно: как-то меня пригласили на скромный любительский спектакль в одну из московских библиотек, в Черкизове. Играли совсем юные, по-моему, старшеклассники. Они удивительно угадали настроение пьесы. И я подумал: эту пьесу должны играть дети, а может быть, куклы...

Что еще будет завтра? Появятся новые пьесы. Состоятся премьеры «Старомодной комедии» в Барселоне, «Жестоких игр» — в Японии. И... будет много спортивных волнений: Алексей Арбузов страстный болельщик.

...Предвидеть много путешествий, но сердце его по-прежнему здесь — на тихом побережье, неизменно дарящем писателю непознанные мгновения счастливого творчества.

Валентина ЖЕГИС,
наш спец. корр.
Латвийская ССР.